ПОЛУНОЩНИКЪ.

Уральское преданіе.

Лѣтъ тому — да много, еще когда дѣдушка внучкомъ былъ, никакъ вскорѣ послѣ пугачовщины, опять выдался такой годъ, что стало по низовымъ станицамъ уральскимъ больно безпокойно. Казаки ни днемъ, ни ночью не выходили со двора безъ винтовки за плечами; стада и табуны частію отогнаны были на Камышъ–Самару, а частію держались по близости станицъ и пикетовъ, извѣстныхъ подъ именемъ *половинокъ*, *маяковъ и реданокъ*; пастухи, вооруженные и въ обыкновенное время копьемъ и винтовкой, были удвоены и едва смѣли прилечь; одинъ изъ нихъ, конный, всегда стоялъ на ближайшемъ возвышеніи и высматривалъ окружность.

Между–тѣмъ, въ темную осеннюю ночь, небольшая шайка киргизовъ «учинила

пролазъ», то–есть успѣла незамѣтно пробраться черезъ Уралъ, по одному и по два, и залечь въ береговые камыши. Когда ихъ собралось довольно, то они выѣхали осторожно на степной кряжъ, оставивъ пикеты и маяки за собою, на берегу рѣки, и пустились къ станицѣ. Въ другое время, можетъ–быть, набѣгъ ихъ и былъ бы удачнѣе, но какъ теперь всюду были приняты необыкновенныя предосторожности, то шайка и наткнулась, при самомъ въѣздѣ въ селеніе, на выставленный за скотнымъ дворомъ *секретъ*, то–есть, ночной отводный караулъ. Три казака, изъ коихъ одинъ приказный, услышали издали фырканье лошадей и топотъ ихъ; всѣ трое, перемолвившись шопотомъ, прилегли наземь, чтобъ не окликая отличить и распознать приближающихся конныхъ, а подпустивъ ихъ шаговъ на тридцать и различивъ положительно киргизскіе малахаи, и разслышавъ говоръ, встрѣтили непріятелей залпомъ изъ трехъ винтовокъ, бросились съ гикомъ впередъ, ухвативъ

пики, и разогнавъ этимъ мгновенно толпу, кинулись въ потьмахъ къ лошадямъ своимъ, сѣли и поскакали, одинъ на пикетъ, и двое по станицѣ, распространяя повсюду тревогу. Но не успѣлъ еще первый изъ нихъ доскакать до пикета, какъ тамъ уже запылалъ яркимъ пламенемъ *маякъ*, обвитый камышомъ и соломой шестъ; сигналъ этотъ приняли по всей линіи, вверхъ и внизъ, и вскорѣ цѣлая полоса по Уралу освѣтилась заревомъ маяковъ. Въ то же время, казаки со всѣхъ постовъ спѣшили по призыву туда, гдѣ первый маякъ загорѣлся. Черезъ часъ времени, послѣ трехъ выстрѣловъ секрета, тревога обняла уже верстъ по сту въ обѣ стороны линіи, по направленію къ Гурьеву и къ Уральску; все было на ногахъ, отовсюду спѣшили на помощь.

Осторожные воры, киргизы, не желая бороться съ открытой силой, тотчасъ же отступили, зажгли встрѣченный на пути стогъ сѣна, прикололи ни за–что, ни про–что, мужика, бабу и двухъ ребятъ, семейство сызранскаго сапожника,

отправившагося по ремеслу своему изъ одной станицы въ другую, и перебрались вплавь черезъ Уралъ. Значительный отрядъ казаковъ не успѣлъ еще собраться; но человѣкъ пять смѣлыхъ наѣздниковъ, зная хорошо тактику непріятелей своихъ, и потому предвидя ихъ дѣйствія, перебрались заблаговременно черезъ рѣку и, ложась, прислушивались, чтобы подстеречь ихъ переправу. Шумъ воды подъ ногами конскими дѣйствительно обнаружилъ невдалекѣ шайку, на такъ–называемомъ броду, хотя отчасти надо было и тутъ переплыть русло; а разгорѣвшійся стогъ сѣна, хотя и былъ отъ этого мѣста верстахъ въ двухъ, освѣтилъ нѣсколько поверхность рѣки и шайка встрѣчена была ружейными выстрѣлами. Но сила преодолѣла, и казаки наши отступили, захвативъ, однакоже, одного раненнаго киргиза; кромѣ того, первыми тремя выстрѣлами, близь станицы, былъ убитъ одинъ киргизъ, а другой также раненъ и захваченъ; такимъ–образомъ, казаки добыли *языка*, что было для нихъ очень–важно, потому–что теперь знали,

какая именно была шайка эта, какого рода и племени, и изъ какихъ ауловъ; а когда это извѣстно, то уже всегда было болѣе надежды отъискать виновныхъ, или заставить однородцевъ ихъ за нихъ поплатиться.

Къ утру собрался небольшой отрядъ въ Сарайчикъ. Въ то время вообще не было строгой формы для казаковъ, а *штаты*, какъ называлась форменная перевязь съ подсумкомъ, надѣвались только во–время внѣшнихъ командировокъ. Въ то время, Уральцы ходили, по обыку, въ алыхъ и малиновыхъ кафтанахъ, съ откидными рукавами по синему поддѣвку, и въ высокой малиновой шапкѣ съ перехватомъ; сабля была принадлежностью войсковыхъ чиновниковъ, а рядовичи довольствовались копьемъ, винтовкой съ ражками и пистолями. Въ степныхъ же походахъ, которые нерѣдко дѣлались, какъ въ настоящемъ случаѣ, спѣшно и по домашнему распоряженію, по поводу набѣга — каждый садился на коня въ домашней одеждѣ своей: въ простомъ

синемъ кафтанѣ, въ хивинскомъ полосатомъ халатѣ, въ чапанѣ, въ стеганкѣ, поддѣвкѣ или курткѣ, но всегда съ добрымъ оружіемъ, и въ черной, высокой смущатой шапкѣ.

Отрядъ этотъ выступалъ уже съ зарей: сѣдла и необходимую поклажу погрузили на *бударки*, легкія лодочки; туда же сѣли и казаки, человѣка по три и по четыре, взявъ лошадей за чембуры; черезъ часъ кони были уже осѣдланы на противномъ берегу, и отрядъ подымался на кряжъ, потянулся змѣйкой по степи и долго еще виднѣлся издали черной полосой по желтоватому ковылу.

— Погоди жъ вы, разбойники! сказалъ одинъ казакъ, попадая носкомъ сапога въ мочку пики своей: — развѣ не дастъ Богъ сойдтись съ вами, а то будете вы помнить Сарайчикъ!

— И чего ихъ, собакъ, жалѣютъ, прости Господи! сказалъ другой: — вотъ вѣдь, которому дашь аманъ, онъ–то самый и надѣлаетъ тебѣ больше всѣхъ хлопотъ; я говорю, что волкъ, такъ волкъ и есть;

попался въ руки, такъ бей его до–суха, а прикормишь да отпустишь — такъ самъ на свою голову кистень выковалъ. Я знаю, что это опять Китайка проказитъ; ужъ отъ него намъ добра не видать. А кабы прошлую осень подняли его на копья, какъ былъ въ рукахъ, такъ бы съ нимъ и не хлопотать. Такъ ли, Сидорычъ, продолжалъ онъ, обратившись къ подъѣхавшему чернобородому, смуглому казаку, очевидно персидскаго происхожденія, почему онъ и прозывался Кизылбашевымъ: — такъ ли?

— Такъ, отвѣчалъ тотъ, не подымая глазъ и проворчавъ что–то про себя, а затѣмъ прибавилъ вслухъ: — поднять–то на копья мало бъ кого надо; есть люди и тошнѣй киргизца.... и отъѣхалъ въ сторону.

— Вишь, хорасанская кровь! сказалъ одинъ изъ первыхъ: — гляди, вѣдь онъ все еще зубы точитъ на стараго супротивника своего, на Пахолкина: аль опять они не поладили?

Объяснимъ эту выходку. Кизылбашева отецъ былъ плѣнный персіянинъ, выходецъ изъ Хивы. Приписавшись къ войску,

крестившись и женившись тамъ, онъ извѣстенъ былъ въ войскѣ назойливымъ, скрытнымъ нравомъ своимъ и передалъ по наслѣдству это свойство персидской крови старшему сыну. Семейство ихъ жило довольно–бѣдно, потому–что рыболовство имъ какъ–то не давалось, а торговлей промышлять безъ истинника очень–трудно. По этому поводу, сынъ смолоду вынужденъ былъ идти на службу, на которую и тогда, какъ теперь, вызывались одни охотники, съ уплатою имъ довольно–значительныхъ подможныхъ денегъ; эти обстоятельства и отношенія заставили Кизылбашева–сына оставаться холостымъ почти до тридцати лѣтъ; въ эти годы только сдѣлался онъ владѣтелемъ отцовскаго хозяйства и пріобрѣлъ столько своего, что могъ купить невѣстѣ *сороку*, родъ богатой кички, что въ то время считалось совершенною необходимостью, и безъ чего ни одинъ казакъ не могъ подумать о сватовствѣ. О приданомъ же и тогда, какъ теперь, у уральскихъ казаковъ никогда не бывало рѣчи: тесть надѣлялъ дочь свою, или зятя,

по своему усмотрѣнію, и то нѣсколько лѣтъ спустя послѣ женитьбы, когда убѣждался, что молодые хорошо и согласно живутъ.

Задумавъ жениться, Кизылбашевъ сталъ заглядываться на Орину Мироновну, дочь урядника Красоточкина, и хоть ему, въ его годы и съ его чернобородой рожей, не совсѣмъ къ лицу было любезничать, но онъ, по принятому обычаю, выходилъ къ *базкамъ*, то–есть къ скотнымъ дворамъ, встрѣчать и провожать вмѣстѣ съ Ориной Мироновной стадо, а также хаживалъ зимой вслѣдъ за дѣвками, на *синчикъ*, то–есть, на молодой ледъ, скользить, играть и бѣгать. Еслибъ Кизылбашевъ былъ вовсе не по нутру Красоточкину, то онъ бы самъ проводилъ дочь къ базкамъ или на синчикъ, и сказалъ бы тамъ тому, кто ухаживаетъ за его дочерью: «не прогнѣвайся, братъ; это не наша дѣвка, чужая»; но какъ ничего подобнаго не случалось, а Орина Мироновна, хотя и называла поклонника своего въ глаза заморской цуцелкой — то–есть чучелкой, потому–что Орина Мироновна, какъ и всѣ

землячки ея, пришепетывала — хотя и не разъ уграживала, что надѣнетъ ему подойникъ съ молокомъ на голову, но либо пожалѣла молоцка, либо пожалѣла молодца, потому–что угрозы не исполнила и, какъ Кизылбашеву казалось, бранила его и отбивалась отъ него только для забавы и приличія.

Въ такомъ положеніи было дѣло это, когда вдругъ, недуманно, негаданно, добрые люди изъ сосѣдней станицы прибыли въ домъ Красоточкина и привезли поклонъ и ласковое слово отъ старика Пахолкина, который сваталъ Орину за сына, за молодаго сотника. Это было, конечно, другое дѣло и не Кизылбашеву чета; сотникъ Пахолкинъ былъ молодецъ молодцомъ, а у отца его былъ хуторокъ на Камышъ–Самарѣ, другой на узеняхъ, гдѣ ходило косякомъ до десятка добрыхъ коней, да, кромѣ того, старикъ ежегодно вымѣнивалъ у киргизовъ тысячи по двѣ и по три барановъ, отгоняя ихъ на убой въ салотопни. При такихъ отношеніяхъ, не только Кизылбашева и въ поминѣ не было

въ этомъ дѣлѣ, но объ немъ и думать позабыли; Красоточкинъ далъ слово, и черезъ нѣсколько дней женихъ навѣстилъ невѣсту, а вскорѣ опять пріѣхалъ и привезъ ей въ подарокъ такую сороку, которая выставлена была цѣлыя двѣ недѣли на показъ, и казачки съѣзжались даже съ Баксая и изъ Кармановской–Станицы посмотрѣть на этотъ подарокъ.

Кизылбашева, который, какъ мы уже сказали, довольно–долго крѣпился и собирался, покуда обстоятельства не позволили ему подумать о сватовствѣ, неудача эта крѣпко смущала. На бѣду не стало дѣло за такими людьми, которые начали подтрунивать надъ бѣднякомъ; въ особенности же дѣвушки, будто сговорились, стали спрашивать его, при встрѣчѣ, отъ–чего его теперь нигдѣ не видно? Злобное сердце его вскипѣло местью, и онъ не разъ искалъ случая, чтобъ отомстить Пахолкинымъ или Красоточкинымъ — все равно — за неудачу свою, тогда какъ ни тѣ, ни другіе и не

думали о немъ и мирно и весело съиграли свою свадьбу.

Со времени этого происшествія, прошло уже съ полгода, но Кизылбашевъ не считалъ еще, какъ видно, дѣла своего конченнымъ и, какъ можно было догадываться по отвѣту его, который мы слышали, замышлялъ что–нибудь недоброе. Поводъ же къ этому былъ вотъ какой: въ собранномъ на–скоро отрядѣ находился не только счастливый соперникъ Кизылбашева, Пахолкинъ, но и два брата его и дядя, и сверхъ того самъ старикъ Красоточкинъ съ сыномъ и племянникомъ; словомъ, такъ–какъ казаки сосѣднихъ станицъ вообще всѣ почти между собою въ родствѣ и свойствѣ, то въ набранномъ изъ Сарайчика и ближайшихъ станицъ отрядѣ было много казаковъ, рядовыхъ и чиновныхъ, состоявшихъ въ болѣе или менѣе близкомъ родствѣ съ Пахолкиными и Красоточкиными. Кизылбашевъ, состоявшій на линейной службѣ, гдѣ изрѣдка только встрѣчался съ кѣмъ–нибудь изъ этихъ людей, теперь внезапно сошелся

со всѣми съ ними лицомъ–къ–лицу. Встрѣча столькихъ ненавистныхъ лицъ возмутила его и пробудила давнишнюю злобу.

Отрядъ сдѣлалъ до вечера, съ приваломъ, очень–большой переходъ, но, не настигнувъ хищниковъ, остановился, съ тѣмъ, чтобъ на завтра продолжать поискъ свой и напасть на аулы, къ которымъ грабители принадлежали. Зная опасность своего положенія, казаки приняли всѣ обычныя предосторожности и не только выставили цѣпь вокругъ всего стана, но и еще особенную вокругъ всего табуна, потому–что лошадей надобно было пускать ночью на подножный кормъ.

Когда стали вызывать по наряду караульныхъ въ ночную цѣпь, на вторую или третью смѣну, то въ числѣ чередныхъ одного не досчитывались: оказалось, что Кизылбашева нѣтъ. Пустили голосъ и прокричали по всему отряду, искали вездѣ, полагая, не заснулъ ли онъ гдѣ — но нигдѣ его не оказалось, и никакого слѣда его не нашли. Никто не зналъ что подумать.

«Сошелъ съ ума нашъ Кизылбашевъ» говорили казаки: «диво, куда онъ запропастился; а былъ тутъ съ вечера — развѣ не подхватили ль его какъ–нибудь въ тихомолку карсаки (т. е. киргизы)?»

А Кизылбашевъ, между–тѣмъ, разузнавъ о близости ауловъ, рѣшился на небывалое дѣло: онъ бѣжалъ изъ отряда, съ тѣмъ, чтобы подвести непріятеля, напасть врасплохъ и уничтожить, какъ онъ надѣялся въ слѣпой злобѣ своей, весь отрядъ. Несчастная мысль эта поселилась въ немъ уже въ то самое время, какъ только весь отрядъ былъ въ сборѣ и Кизылбашевъ увидѣлъ, что тутъ находилась большая часть мнимыхъ непріятелей его, по–крайней–мѣрѣ ненавистныхъ ему людей. И въ надеждѣ погубить ихъ, онъ не пощадилъ никого и не подумалъ даже о себѣ–самомъ....

Еще было темно, и востокъ не обозначился заревомъ; весь отрядъ покоился, одни только часовые на цѣпи перекликались, какъ три отчаянные молодые киргиза, будучи подведены къ

отряду отступникомъ и измѣнникомъ, легли наземь, въ такомъ разстоянiи отъ отряда, какъ только могли разслышать фырканье и чиханье казачьихъ лошадей, и поползли по травѣ. Одинъ служилъ вожакомъ, другiе два ползли за нимъ и вовсе не подымали головы, полагаясь во всемъ на передоваго, который останавливался на каждыхъ десяти, пятнадцати шагахъ и осторожно озирался кругомъ, едва только отдѣляя голову отъ земли. Они ползли съ такою осторожностью, что шороху было не болѣе, какъ отъ змѣи. У каждаго изъ нихъ висѣлъ на поясѣ добрый ножъ; одежда на нихъ была самая легкая — одни лохмотья; оружiя, кромѣ ножа, никакого. Такимъ–образомъ подползли они вплоть къ цѣпи, и увидать ихъ, по темнотѣ ночи, было невозможно. Выждавъ удобную минуту, когда оба смежные часовые оборотились въ противную сторону, воры проползли внутрь цѣпи и вскорѣ очутились посреди пасущихся, стреноженныхъ лошадей. Тутъ каждый изъ нихъ окликалъ потихоньку и огладилъ по лошади, поспѣшно перерѣзалъ

ножемъ треногу и сдѣлалъ то же у нѣсколькихъ сосѣднихъ лошадей; тогда всѣ трое вдругъ вскочили на коней, со страшнымъ, внезапнымъ гикомъ пустились скакать во весь духъ, безъ узды, куда лошади угодно, продолжая дикій, неистовый ревъ свой, погоняя лошадь подъ собой тычками ножа и поражая имъ на скаку лошадей вправо и влѣво. Весь табунъ шарахнулся, ни одна тренога не удержалась, и ошалѣвшіе кони понеслись вслѣдъ за проскакавшими всадниками, опрокинувъ передъ собою караульную цѣпь.

Казаки въ ту же минуту вскочили, ухватившись за оружіе; и было пора, потому–что шайка въ нѣсколько сотъ человѣкъ, съ такимъ же неистовымъ, дикимъ ревомъ, кинулась теперь на отрядъ. Какъ ни жестокъ бываетъ подобный приступъ, но при устойкѣ и встрѣчѣ ружейнымъ огнемъ, нестройная толпа эта всегда поспѣшно отступаетъ, возобновляя нападенія свои постепенно съ меньшею отвагою и меньшею удачею, потому–что

казаки выигрываютъ время, могутъ собраться въ порядкѣ и успѣваютъ зарядить ружья. Такъ было и тутъ: Киргизы, послѣ нѣсколькихъ отчаянныхъ попытокъ, отступили: вопли ихъ слышались въ отдаленіи; отрядъ даже пустился–было преслѣдовать ихъ, но пѣшій конному не товарищъ, и сотникъ Пахолкинъ остановилъ безполезное рвеніе казаковъ. Въ цѣломъ отрядѣ не осталось болѣе пяти лошадей; лучшіе казаки вскочили на нихъ и понеслись во весь духъ за отогнаннымъ табуномъ.

Заря уже начинала заниматься, когда погоня взяла на видъ хищниковъ, гнавшихъ лошадей съ возможною поспѣшностью. Одна только изъ пяти лошадей была довольно бойка и надежна, на остальныхъ нельзя было положиться. Урядникъ Красоточкинъ, лихой старикъ, тесть Пахолкина, сидѣлъ на этой лошади и рѣшился попытать счастія, не дожидаясь отставшихъ четырехъ товарищей своихъ. Онъ пустился во весь духъ, обскакалъ табунъ, не обращая никакого вниманія на

тревогу, поднятую киргизами, повернулъ круто въ бокъ лошадямъ, скололъ одного изъ воровъ, кинувшихся ему на встрѣчу, и съ такимъ же дикимъ ревомъ проскакалъ поперегъ всего табуна, увлекая шарахнувшихся снова коней за собою. Давъ значительный кругъ и скача впереди, Красоточкинъ воротилъ благополучно часть табуна и привелъ его въ станъ, между–тѣмъ, какъ отставшіе четыре казака подоспѣли и защитили отбитую добычу свою отъ новыхъ нападеній.

Какъ только лошади прибыли въ станъ, то мгновенно были осѣдланы, и Пахолкинъ пустился, съ лучшими казаками, въ погоню за шайкой. Настигнувъ ее, онъ частію разбилъ, частію разсѣялъ ее и успѣлъ захватить въ плѣнъ до пяти человѣкъ, въ чемъ, кромѣ показанія хищниковъ, и состояла цѣль поиска его: эти пять человѣкъ должны были выручить весь отрядъ изъ бѣды.

Убитыхъ не воротить, и потому киргизы объ нихъ мало заботятся, кромѣ того, что стараются увезти трупы съ собою для

погребенія; но о плѣнныхъ они чрезвычайно хлопочутъ и для выкупа ихъ готовы сдѣлать все, что могутъ, ничего не жалѣя. Когда ободняло, весь отрядъ собрался опять на становище; пересчитали людей и лошадей и увидѣли, что, кромѣ Кизылбашева, всѣ казаки были налицо, въ томъ числѣ двое или трое раненныхъ пикой или чеканомъ; но не доставало еще до семидесяти лошадей. Разсмотрѣвъ и разобравъ плѣнниковъ своихъ, Пахолкинъ выбралъ изъ нихъ одного простаго киргиза, сверхъ того еще и раненнаго, далъ ему одну изъ плохихъ лошадей и, настращавъ порядкомъ, приказалъ ѣхать къ султану Юсуфу Галикееву, начальнику шайки, и объявить, что если до полудня не будутъ доставлены всѣ лошади и бѣглецъ Кизылбашевъ, то киргизы найдутъ на этомъ мѣстѣ четырехъ плѣнниковъ, забитыхъ до смерти нагайками; отрядъ же выступитъ, съ тѣмъ числомъ конныхъ, сколько есть, для разграбленія ауловъ Галикеева и будетъ рѣзать все, что ни попадется ему подъ руку.

Часа черезъ три, гонецъ отъ султана Галикеева прискакалъ, соглашаясь на предложенія о размѣнѣ плѣнныхъ, но просилъ прибавить нѣсколько часовъ срока, потому–что лошади были загнаны далеко и послано за ними въ догонку. Размѣнъ состоялся на половину: коней пригнали, за раненныхъ и неотъисканныхъ казачьихъ лошадей киргизы додали своихъ; но Кизылбашева, котораго, конечно, не пожалѣли бы, при такихъ обстоятельствахъ, выдать не могли, не смотря ни на какія настоянія Пахолкина, увѣряя, что онъ скрылся. Поэтому сотникъ счелъ себя въ правѣ не выдавать и плѣнныхъ, утверждая, что договоръ со стороны киргизовъ не исполненъ; тогда эти вздумали требовать выдачи обратно лошадей; завязался споръ, а наконецъ и драка, которая кончилась весьма–невыгодно для киргизовъ: казаки жестоко наказали ихъ, напавъ еще вторично на приблизившуюся шайку и гнали ее, побивая, до самой ночи. Такимъ–образомъ, отрядъ Пахолкина воротился благополучно въ Сарайчикъ, съ пѣснями и

побѣдными кликами, не потерявъ ни одного человѣка, а сдѣлавъ свое дѣло: наказавъ хищниковъ порядкомъ и отогнавъ довольно скота. Вѣсть объ измѣнѣ Кизылбашева, о которомъ не было ни слуху, ни духу, разошлась вскорѣ по всему войску, и едва ли на чью–нибудь голову было когда–либо произнесено столько проклятій, сколько досталось отъ мала и велика на долю позорной памяти этого несчастнаго полу–персіянина. Прошло нѣсколько лѣтъ, и о Кизылбашевѣ не было рѣчи; всѣ свѣдѣнія изъ степи подтвердили первоначальное извѣстіе, что онъ пропалъ безъ вѣсти.

Однажды, въ темную и бурную осеннюю ночь, повторилось почти то же, что было описано нами въ началѣ этого разсказа: шайка киргизовъ прорвалась или прокралась внутрь линіи неподалеку Кожехарова; пущенные по линіи маяки подняли на ноги все населеніе, и собранный отрядъ пошелъ вслѣдъ за грабителями. Онъ къ вечеру остановился, прислонившись тыломъ къ озеру, гдѣ было хорошее пастбище, выставилъ впереди цѣпь и

послалъ разъѣздъ до извѣстнаго урочища, гдѣ былъ крутой, обширный яръ, чтобъ удостовѣриться, нѣтъ ли тамъ засады.

Разъѣздъ подъѣхалъ къ урочищу уже въ сумерки и пустился на нѣсколько верстъ, для осмотра, вдоль яра. Все было мертво и пусто, нигдѣ и слѣдовъ аула или стоявшей шайки не найдено. Вдругъ (я говорю по словамъ разъѣздныхъ казаковъ) конный казакъ выѣзжаетъ вплоть передъ ними изъ оврага: кивнувъ головой, онъ берется за шапку, будто здоровается, и робко объѣзжаетъ вокругъ разъѣзда. Явленіе это до того поразило казаковъ, что они стояли нѣсколько минутъ какъ вкопанные, и даже не окликали встрѣчнаго и не подали голоса.... Наконецъ, урядникъ, узнавъ въ казакѣ этомъ Кизылбашева, назвалъ его по имени и звалъ къ себѣ, убѣждая покаяться въ грѣхахъ своихъ и добровольно явиться къ начальству.... Кизылбашевъ не отвѣчалъ сперва ничего, но покруживъ, сталъ разспрашивать, что дѣлается въ войскѣ: кто теперь атаманъ, дома ли такіе–то казаки, и проч. Урядникъ

повторилъ ему настояніе свое, чтобъ онъ ѣхалъ съ ними, а когда тотъ кивнулъ опять слегка головой, передвинулъ шапку, въ видѣ поклона, и поворотилъ лошадь къ оврагу, то урядникъ кинулся за нимъ и протянулъ уже руку, чтобъ схватить, какъ его вдругъ не стало. Урядникъ и разъѣздные казаки перекрестились, прочитали «аминь, аминь, разсыпься»; поискали еще нѣсколько времени переметчика, но не найдя ничего, воротились.

То же почти случилось на слѣдующую весну, когда небольшой казачій отрядъ посланъ былъ на помощь султану–правителю по поводу баранты и угоновъ. И тутъ опять, ночью, нечаянно подъѣхалъ къ отряду казакъ, будто изъ земли выросъ, робко приближался, но все держался поодаль; и опять разспрашивалъ, что дѣлается въ войскѣ. Всѣ, кто знавалъ Кизылбашева, узнали его; казаки бросились и окружили было его, но онъ пропалъ опять на мѣстѣ, будто провалился сквозь землю.

Съ этого времени уральскимъ отрядамъ частенько случается видѣть въ степи *полунощника*, и полунощникъ этотъ не иной кто, какъ Кизылбашевъ. Много прошло лѣтъ, много десятковъ лѣтъ прошло съ той несчастной ночи, когда безразсудная, злобная месть воспламенила персидскую кровь этого несчастнаго и какъ онъ, посягнувъ на одно изъ самыхъ страшныхъ преступленій, продалъ свою душу — и все еще привидѣніе его шатается по обширной степи, ищетъ и не находитъ покоя и, встрѣтивъ русскій отрядъ, подъѣзжаетъ къ нему и разспрашиваетъ о томъ, что дѣлается на Руси и въ родномъ уральскомъ войскѣ.... Теперь уже привыкли къ нему и знаютъ его; казаки не пугаются болѣе этого загадочнаго явленія: какъ только увидятъ они издали, ночью, чужаго казака на бѣлой лошади, въ чапанѣ и шапкѣ стариннаго обыка, съ густой и черной круглой бородой, со смугло–желтымъ, болѣзненнымъ цвѣтомъ лица, съ мутными, непостоянными глазами, такъ и

творятъ молитву и говорятъ другъ другу: «гляди, *полунощникъ!*»